

В. А. Кучкин

ТЫСЯЦКИЕ В КИЕВСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В XI–XIII в.

О киевской тысяче и лице, возглавлявшем эту тысячу, южнорусское летописание начинает говорить уже с конца XI в. Описывая освящение соборной церкви Успения Богородицы в Киево-Печерском монастыре в 1089 г., летопись сообщает, что освящение проводилось «Иваномъ митрополитомъ и Лоукою Бѣлогородским еп(и)с(ко)помъ, и еп(и)скупомъ Ростовскимъ Исаиемъ, и Иваномъ Черниговскимъ еп(и)скупомъ, и Антоньемъ Гурьговскимъ игуменомъ, при бл(а)говѣрномъ князи Всеволодѣ, державному Роуския земля, и чадома его Володимера и Ростислава, воеводство держащу Киевской тысящи Яневи, игуменьство держащу Ивану»¹. Среди светских лиц, присутствовавших на церемонии, названы только занимавший киевский стол князь Всеволод Ярославич с двумя его сыновьями и единственный человек из нетитулованной знати — Ян, который представлен в летописи как воевода «Киевской тысящи».

Такая особенность перечня светских лиц в летописной записи 1089 г. заставляет полагать, что Ян (Иоанн) принадлежал к высшей прослойке киевского боярства XI в. Отцом Яна был видный воевода Ярослава Мудрого Вышата, который в 1043 г. вместе с сыном Ярослава князем Владимиром совершил малоудачный поход на Константинополь². Летопись отмечает смерть Яна Вышатича в 1106 г., сообщая при этом, что ему было 90 лет³. В таком случае он должен был родиться в 1016 г. Дата рождения Яна позволяет сопоставить его с Иоанном, одним из бояр киевского князя Изяслава Ярославича. Житие Феодосия Печерского содержит интереснейший рассказ об этом боярине, который достиг уже дедовского возраста и у которого был взрослый женатый сын. Однако этот сын отворачивался от всего мирского и жаждал стать монахом. В Киево-Печерском монастыре исполнили его желание и постригли в монахи под именем Варлаама. Но отец Варлаама Иоанн, «иже бѣ прѣввыи у князя в боярех»⁴, резко воспротивился этому. Несмотря на

¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 199. В Лаврентьевской летописи вместо «и еп(и)скупомъ Ростовскимъ Исаиемъ и Иваномъ Черниговскимъ еп(и)скупомъ, и Антоньемъ Гурьговскимъ игуменомъ» ошибочно написано «Исаиемъ Черниговскимъ еп(и)с(ко)помъ» (см.: ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. I. Стб. 208). А. А. Шахматов, реконструируя Повесть временных лет и ее источники, при передаче текста статьи 1089 г. сделал большие вставки из Ипатьевской летописи, считая ее более полной и точной, чем Лаврентьевская летопись. Текст статьи 1089 г. он возводил к источнику Повести временных лет — так называемому Начальному своду (см.: [Шахматов, 1916, с. 263]).

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 154: Ярослав «воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу»; Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 916. Предлагаемая некоторыми исследователями более развернутая генеалогия Яна Вышатича, возводящая его к Добрыне, дяде князя Владимира Святославича, представляется сомнительной.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 281.

⁴ *Абрамович Д. И.* Киево-Печерський патерик. Київ, 1930. С. 34.

то, что князь Изяслав после больших колебаний не стал преследовать монастырскую братию за пострижение в монахи служивших ему людей, в частности Варлаама, боярин Иоанн наперекор князю с вооруженной свитой явился в Киево-Печерский монастырь, разогнал монахов, вывел из пещеры сына, сорвал с него монашеское одеяние, одел «въ одежду славну и свѣтлу, якоже есть лѣпо велможам»⁵ и повел через весь Киев домой. Привычка Иоанна только приказывать и поступать по-своему встретила стойкое противление Варлаама. Все потуги отца вернуть сына в мир оказались тщетными. Первый боярин вынужден был смириться со случившимся и отпустить сына в монастырь. Позднее это помогло Иоанну сдружиться с властями Киево-Печерского монастыря⁶.

Согласно изысканиям А. А. Шахматова, описанные в Житии Феодосия злоключения в семье боярина Иоанна и в жизни киево-печерских монахов имели место в 1060–1061 г. [Шахматов, 1908, с. 433–436]. Следовательно, Яну Вышатичу было тогда 44–45 лет, и если он имел женатого сына, то вскоре должен был стать дедом. Такое совпадение периодов жизни Яна Вышатича и боярина князя Изяслава Ярославича Иоанна, как и совпадение их имен, позволяет отождествить этих людей и пополнить биографию Иоанна фактами из жизни Яна Вышатича. О последних говорят уже не агиографические памятники, а летописные своды.

Они сообщают, что в конце 1073 — начале 1074 г. Ян Вышатич был на Белоозере в качестве представителя киевского князя Святослава Ярославича, собирая дань с местных жителей и обладая правом суда над ними⁷. В 1093 г. Ян Вышатич поддержал предложение Владимира Мономаха не воевать с половцами, а устроить их, сосредоточив русские полки на левом берегу р. Стугны, но киевский князь Святополк Изяславич решил биться с кочевниками и поплатился за это⁸. В 1106 г., во времена княжения в Киеве того же Святополка Изяславича, Ян Вышатич защищал киевский город Зареческ от половцев⁹.

Хотя приведенные данные весьма скупы, некоторые выводы из них сделать можно. Так, выясняется, что Ян (Иоанн) Вышатич служил целому ряду киевских князей, от Ярослава Мудрого, его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода до Святополка Изяславича включительно. Полководческими талантами он не отличался и в походы ходил редко. Видимо, в административно-организационной работе он чувствовал себя гораздо увереннее. Поэтому летописное определение Яна Вышатича как человека, «воеводство держащю Киевской тысящи», подчеркивающее сосредоточение в его руках военных функций тысячи, выглядит не вполне логичным. Следует, однако, иметь в виду, что, судя по более поздним данным («Устав великого князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ»), тысяча могла существовать и без тысяцкого, руководимая 10 сотскими. Формирование тысячи и назначение на должность тысяцкого по времени могли расходиться. А если так, то появление должности тысяцкого зависело как от реорганизации децимальной системы, ее укрупнения, создания тысячи для решения хозяйственных задач, так и от необходимости использовать военный потенциал тысячи, ее сотских и десятских, в сражениях и войнах под командованием одного военачальника — тысяцкого. Как бы там ни было, подчеркивание военных функций «держателя» тысячи — случай редчайший в свидетельствах источников. Правда, в статье 6739 г. Лаврентьевской летописи в рассказе о поставлении 6 апреля 1231 г. в Киеве епископом «Ростову и Ярославлю и Оуглечю полю» Кирилла, духовника ростовского князя Василька Константиновича, говорится, что «воеводство тогда держащю тысящя Кыевская Иоанну Славновичю»¹⁰, однако большое сходство этой фразы с фразой статьи 6597 (1089) г. заставляет полагать, что она не оригинальна. Сводчик XIII в. мог заимствовать

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 35, 57.

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 175–178. О дате события см.: [Кучкин, с. 62–66].

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 219.

⁹ Там же. Стб. 281.

¹⁰ Там же. Стб. 456, 457. О дате события см.: [Бережков, с. 108].

ее из начальной части своего свода, и последняя остается единственным свидетельством, прямо говорящим о военных функциях тысяцкого.

Да и в целом содержание статьи 1089 г. для характеристики децимальной организации весьма важно. Оно указывает на то, что тысяча в Киеве возглавлялась боярином, причем очень близким правящим князьям, родовитым и состоятельным¹¹. Едва ли можно сомневаться в том, что «воеводство» тысячей Ян Вышатич получил от князя, и эта должность вводила его в круг наиболее почитаемых светских и духовных лиц в Киевском княжестве, делала участником самых значимых и торжественных мероприятий. В то же время тысяцкий должен был проявлять себя и как воевода, командуя, по всей вероятности, теми войсками, которые входили в тысячу и были достаточно обеспечены и вооружены, чтобы защищаться при нападениях и ходить в завоевательные походы.

Следующее по времени упоминание о киевских тысяцких относится к 1113 г. В том году умер прокняживший 20 лет в Киеве князь Святополк Изяславич. Он скончался в десятый день после Пасхи, 16 апреля. Святополк умер «за Вышегородомъ», поэтому его останки пришлось везти в ладье к Киеву, затем перекладывать на сани и на них доставить к церкви Михаила архангела в Выдубицкий монастырь. Там Святополк и был похоронен. Было ли таково желание самого Святополка или решение его вдовы и детей, неизвестно. Во всяком случае, его предшественник на киевском столе князь Всеволод Ярославич и преемник Святополка на том же столе князь Владимир Мономах были захоронены в главном киевском храме — св. Софии, где, кстати говоря, был погребен и отец Святополка Изяслав. Отказ от погребения Святополка в Софийском соборе летописец объяснил тем, что церковь Михаила в Выдубицком монастыре была построена самим Святополком. Прощание с усопшим летописец описал скорбными и прочувствованными словами: «плакашася по немъ бояре его и дружина его вся», а его вдовья княгиня «много раздели богатство монастыремъ и попомъ и оубогымъ, яко дивитися всѣмъ челоуѣкомъ, яко такая милости никто же можетъ створити»¹². Похоже, однако, на то, что власти боялись большого скопления людей при захоронении Святополка в Софии, князь был алчен, не брезговал никакими способами обогащения и имел в народе плохую репутацию¹³. Утром 17 апреля киевляне «свѣтъ створиша» и послали приглашение княжившему в Переяславле Владимиру Мономаху занять киевский стол. Мономах сразу не поехал, переживая смерть Святополка, с которым он в свое время не стал бороться за Киев, желая сохранить приятельные отношения. Этой задержкой воспользовались другие киевляне. Они «разъграбиша дворъ Путятинъ тысяцкого, идоша на Жида и разграбиша я»¹⁴. Тогда киевляне, приглашавшие Владимира Мономаха, вторично обратились к нему. «Поиде, княже, Киеву, — требовали они, — аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло оуздвигнетъся, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и Жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣль, княже, оже ти манастырѣ разъграбятъ»¹⁵. Второй призыв возымел действие, и Владимир Мономах всел на коня. В Киеве он был «в недѣлю» и тотчас занял киевский стол¹⁶. После ряда мер, о которых речь пойдет далее, волнения в городе удалось прекратить. Здесь же следует сказать о тысяцком Путяте, двор которого был разграблен негодовавшими киевлянами.

Впервые имя Путяты появляется в летописи в рассказе о событиях лета 1099 г. Летопись сообщает об осаде князем Давыдом Игоревичем Владимира Вольнского, который оборонял сын киевского князя Святополка Изяславича Мстислав. В один из приступов Мстислав был убит, и

¹¹ Согласно Житию Феодосия Печерского, боярин Иоанн наряду с князьями присылал в Киево-Печерский монастырь возы с продуктами и питьем (см.: *Абрамович Д. И.* Киево-Печерский патерик. С. 57).

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 275 и примеч. е, д.

¹³ Об этом рассказывается в Киево-Печерском патерике (см.: *Древнерусские патерики.* М., 1999. С. 53–56, 65).

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275.

¹⁵ Там же. Стб. 276.

¹⁶ Там же.

владимирцы остались без военачальника. Они сумели тайно сообщить об этом отцу Мстислава. Киевский князь «посла Путятю воеводу своего». Идя на помощь владимирцам, Путята на пути к ним соединился в Луцке с сыном черниговского князя Давыда Николаем Святошей. Вместе они двинулись на Владимир Волынский. Тот был окружен войсками Давыда Игоревича. Но нападавшим повезло. Они подошли к городу в полдень, когда осаждавшие решили отдохнуть и поспать. Путята и Святоша немедленно напали на них. Горожане отворили ворота города и со своей стороны начали избивать полки князя Давыда. Давыд бежал. «Святоша и Путята, — продолжает летопись, — прияста град и посадиста посадника Святополча Василя. И приде Святоша Лучьску, а Путята Кыеву»¹⁷.

В 1100 г. Путята выступает как «муж» Святополка Изяславича на съезде русских князей в Уветичах. Путята представлял своего князя на переговорах с участником съезда князем Давыдом Игоревичем¹⁸.

В 1104 г. Путята был отправлен Святополком Изяславичем вместе с воеводами других князей в поход на Минск против князя Глеба Всеславича, но объединенная рать «не оуспѣша ничтоже и възвратишася вспять»¹⁹.

В первом и третьем приведенных известиях Путята представлен как воевода киевского князя Святополка Изяславича, воюющий против врагов своего князя. Во втором известии Путята предстает как доверенное лицо князя Святополка, как дипломат, ведший переговоры с другим Рюриковичем. Никаких намеков на то, что он в конце 90-х годов XI — начале XII в. исполнял должность киевского тысяцкого, в рассмотренных известиях не обнаруживается. Очевидно, что Путята стал киевским тысяцким после 1104 г. и до 1113 г. Занять такую должность он мог только с изволения князя Святополка Изяславича, перестав при этом быть его воеводой.

Однако самое любопытное известие о Путяте сохранилось не в Лаврентьевской летописи и не в основном тексте Ипатьевской летописи, а в Софийской I и Новгородской IV летописях. В этих сводах в статье 6614 г. говорилось, как в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, о защите Яном Вышатичем Зареческа от половцев, но после имени Яна читалось, что Святополк послал на половцев вместе с Яном «и брата Путятю»²⁰, «и брата его Поу[тя]ту»²¹. А. А. Шахматов специально исследовал текст о Путяте [Шахматов, 1938, с. 100] в Софийской I и Новгородской IV летописях и нашел, что он достоверен и относится к III редакции Повести временных лет [Шахматов, 1916, с. 327 и вар. 18]. В таком случае надо считать, что Путята сменил в должности киевского тысяцкого своего брата Яна Вышатича. Это свидетельствует о том, что уже к началу XII в. в Киевском княжестве стала проявляться тенденция закрепления должности тысяцкого за представителями определенной боярской фамилии. Более четко такая тенденция обнаруживается в послемонгольское время.

Но почему тысяцкий Путята в 1113 г. стал объектом ненависти киевлян? Летописное свидетельство о том, что вместе с двором тысяцкого были разграблены дворы сотских, указывает на то, что дело шло о вине не одного Путяты, а представителей целой организации, включавшей в свой состав тысяцкого и сотских. Кроме этих лиц пострадали еще и евреи. И это было только началом. Ожидались нападения на вдову князя Святополка Изяславича (хотя она сразу же после смерти мужа раздала много ценного имущества монастырям, церквям и убогим), на бояр и, главное, на монастыри. Что общего было между евреями и монастырями, сотскими и киевской княгиней, которых ограбили или хотели ограбить киевляне? Почему они ничего не замыслили против

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 272.

¹⁸ Там же. Стб. 274.

¹⁹ Там же. Стб. 280.

²⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 218.

²¹ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 140.

служившего в церквях белого духовенства, а вынашивали планы обогатиться за счет монастырского черного духовенства? Ответ напрашивается сам собой. И княжеская семья, и руководство тысячной организации, и евреи, и монастыри занимались ростовщичеством²². Проценты за взятые в кредит суммы достигли при Святополке Изяславиче столь высоких размеров, что обедневшие заемщики пошли на открытую борьбу с кредиторами.

Вокняжение в Киеве Владимира Мономаха привело к смене киевского тысяцкого. Об этом можно судить по особому разделу Пространной редакции Русской Правды, озаглавленному «Оуставъ Володимѣрь Всевол(ш)дича», то есть Владимира Мономаха. «Оуставъ» начинается с краткой исторической справки о том, кто, когда и где участвовал в выработке этого документа: «Володимѣрь Всеволшдичъ по Сватополюцѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратибора Киѣвьск[гш] тысяцьскшго, Прокшпю Бѣлогородьскшгш тысяцьскшго, Станислава Переяславьскшго тысяцьскшго, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Шлгшва мужа»²³. Очевидно, что «Оуставъ Володимѣрь Всевол(ш)дича» был составлен после смерти киевского князя Святополка Изяславича. В свое время М. Н. Тихомиров высказывал предположение, что созванная Владимиром Всеволодовичем Мономахом для выработки «Оустава» дружина в селе Берестовом, находившемся близ Киево-Печерского монастыря и являвшемся загородной резиденцией киевских князей, собралась до посажения Мономаха на киевский стол, то есть до 20 апреля 1113 г. [Тихомиров, с. 98]. Следовательно, согласно М. Н. Тихомирову, берестовская встреча произошла между 17 и 20 апреля 1113 г., и «Оуставъ» стал непосредственным откликом на бурные киевские события 17 апреля. Но если киевляне послали вторичное приглашение княжить у них Мономаху в его Переяславль после восстания 17 апреля, то тот успевал за столь короткое время лишь собраться и доехать из Переяславля до Киева. Между 18 и 20 апреля 1113 г. не находится дня, в который можно было заинтересованным лицам встретиться в Берестовом и выработать новый «Оуставъ». Ясно, что совещание в Берестовом и принятие «Оустава» могло произойти только после занятия Владимиром Мономахом киевского стола. Об этом же свидетельствует сам факт созыва совещания в Берестовом именно Мономахом, получившим возможность в качестве киевского князя распоряжаться расположенными под Киевом селами, а также присутствие в Берестовом белгородского тысяцкого Прокопия, который подчинялся только киевскому князю. В то же время составление «Оустава» последовало вскоре после смерти Святополка Изяславича, поскольку именно это событие отмечено в «Оуставе» как хронологическая грань. С другой стороны, напряженная обстановка в Киеве, сложившаяся 17–18 апреля, не позволяла откладывать решение накопившихся в городе противоречий на длительный срок. Поэтому составление «Оустава Володимѣрь Всевол(ш)дича» надо относить к концу апреля — маю 1113 г.

Такая датировка позволяет утверждать, что к моменту написания «Оустава» киевский тысяцкий Путята Вышатич был отстранен от своей должности и сделано это было новым киевским князем Владимиром Мономахом. Вместо Путяты в выработке важного законодательного акта принял участие новый киевский тысяцкий Ратибор.

Ратибор был боярином Владимира Мономаха задолго до того, как Мономах стал киевским князем. В 1095 г., когда Мономах правил в скромном Переяславском княжестве, Ратибор предложил ему расправиться с половецким ханом Итларем. Итларь приехал в Переяславль для

²² О княжеском кредитовании свидетельствует статья 55 Пространной редакции Русской Правды «О долзѣ»: «паки ли буд(у)ть княжи куны, то княжи куны первое взяти (на должнике. — В. К.)» (см.: Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. С. 110). На ростовщичество церковных лиц указывают «Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц» 1130–1156 г. (см.: Памятники русского канонического права. Часть I. (Памятники XI–XV в.) // РИБ. Изд. второе. СПб., 1908. Т. VI. Стб. 24–25). О ростовщичестве бояр, руководителей тысячной организации прямо известно из более поздних источников, евреев — из источников иностранного происхождения. В частности, самое раннее упоминание еврейской общины в Киеве (X в.) рисует ее деятельность как связанную с решением денежных вопросов (см.: [Петрухин, с. 381]).

²³ Правда Русская. Т. I. С. 110.

переговоров с Мономахом и остановился во дворе Ратибора. Боярин приказал для гостей истопить баню. Когда Итларь с окружением оказался в бане, люди Ратибора ее заперли, проделали проем в крыше и из луков перестреляли всех половцев²⁴. Эта вероломная акция приблизила Ратибора к Мономаху, и в 1100 г. на княжеском съезде в Уветичах Ратибор вместе с Орогостом стал представителем Владимира Мономаха на переговорах русских князей с Давыдом Игоревичем, ослепившим Василька Теробовльского²⁵. Княжеское доверие оказалось самым важным при назначении Ратибора киевским тысяцким в 1113 г.

Нужно отметить, что, как показали события того года, лишение должности киевского тысяцкого и назначение на эту должность нового человека целиком зависели от решений княжеской власти. А выработка норм «Оустава Володимѣрь Всевол(в)дича», над которым трудились в числе других киевский, белгородский и переяславский тысяцкие, показывает, в чем именно проявлялась их компетентность. Это прежде всего установление правил выплаты резов — платежей взятых под проценты сумм, возвращения кредита в случае неплатежеспособности взявшего в долг заемщика, порядка очередности уплаты долга нескольким кредиторам. Тысяцкие контролировали положение закупа — свободного человека, взявшего кредит — купу и обязанного эту купу вернуть. Особенно это касалось ситуаций, возникавших при совместном проживании кредитора и кредитуемого, когда последний в погашение долга трудился на своего господина. Тысяцкие входили в тонкости имущественных отношений закупа-наймита и его кредитора-господина, устанавливали штрафы за нанесение ущерба хозяйству того и другого, в определенные юридические рамки вводили личностные отношения закупа и господина. Закуп не мог уйти от господина, не заплатив ему долга; господин не мог передать закупа другому кредитору и тем более не мог продать закупа в холопство. Зато господин имел право бить закупа за допущенный им ущерб, но бездельного рукоприкладства не допускалось. Закупа можно было привлекать в качестве свидетеля в суде при рассмотрении мелких исков. Очевидно, что социальные функции тысяцких, как можно судить по «Оуставу Володимѣрь Всевол(в)дича», в составлении которого они принимали участие, были достаточно широки и касались они имущественных вопросов и положения людей в различных хозяйственных и бытовых ситуациях.

Следующий по времени тысяцкий в Киевском княжестве упоминается спустя более 20 лет после описанных событий. На 1135 г. пришелся новый виток борьбы между киевскими Мономашичами и черниговскими Ольговичами. Летом 1135 г. черниговский князь Всеволод Ольгович вместе со своими братьями осадил Переяславль, где княжил младший сын Владимира Мономаха Андрей. На помощь брату двинулись киевский князь Ярополк и другие Мономашичи. Узнав об этом, черниговский князь снял осаду Переяславля и отошел к верховьям р. Супоя, левого притока Днепра. Возглавлявший войска Мономашичей Ярополк, переправившись через Днепр, решил с ходу ударить на противника. Завязалась упорная битва. Первыми не выдержали союзные черниговцам половцы. Они обратились в бегство. «И погнаша по нихъ, — пишет летопись, — Володимерича дружина лутшая»²⁶. Князья же Владимировичи (Мономашичи) продолжили биться с черниговскими князьями и в конце концов вынуждены были отступить. «Тысяцкыи же съ бояры ихъ переже гнаша по Половчихъ, — продолжает далее летопись, — избиша ѣ и воротишася опять на полчище и не обрѣтоша князьи своя и оупадоша Олговичемъ в ручѣ. И тако изымаша ѣ, держаще стягъ Ярополчъ, яша бояръ много, Давыда Ярославича тысяцъскаго и Станислава Доброго Тудъковича и прочих мужии»²⁷. Этот летописный рассказ позволяет установить, что в битве на Супое тысяцкий возглавил не какое-то особое, подчиненное только

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 227–228.

²⁵ Там же. Стб. 274.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 298.

²⁷ Там же.

ему военное подразделение, а лучшую часть княжеских (Володимиричей) дружин, которыми командовали «бояры ихъ», то есть князей-Мономашичей. Но главным командующим был тысяцкий. Согласно пояснению Лаврентьевской летописи, это был киевский тысяцкий²⁸. Под его началом преследователи окончательно разгромили половцев, но, когда вернулись на место первой схватки, попали в плен к черниговским князьям. Те захватили много бояр, в том числе тысяцкого Давыда Ярославича и Станислава Доброго Тудковича. Характерно, что тысяцкий отнесен в летописи к числу бояр и назван первым среди них. К сожалению, тысяцкий Давыд Ярославич²⁹ упоминается в источниках только один раз, и потому о его карьере и родственных связях подробно говорить не приходится.

Борьба черниговского князя Всеволода Ольговича с киевским князем Ярополком Владимировичем привела к тому, что после смерти Ярополка в 1139 г. киевский стол сумел захватить Всеволод. При нем киевским тысяцким стал Улеб.

Это выясняется из описаний августовских событий 1146 г., изложенных в Ипатьевской летописи. 1 августа 1146 г. скончался киевский князь Всеволод Ольгович. Своим преемником на киевском столе он назвал родного брата Игоря. Однако киевляне были недовольны правлением у них черниговских Ольговичей. Особенно их возмущали действия Ратши и Тудора, тиунов умершего князя Всеволода, которые в Киеве и Вышгороде устраивали самовольные суды над местными жителями и заставляли их платить большие штрафы³⁰. Игорь Ольгович, готовясь занять киевский стол, обещал киевлянам сменить Ратшу и Тудора на других тиунов, но обещания своего не выполнил³¹. Тогда киевляне отправили тайное послание внуку Владимира Мономаха Изяславу Мстиславичу, княжившему в Переяславле, с предложением занять киевский стол. Изяслав немедленно собрал полки и переправился на правый берег Днепра. Здесь к нему присоединились черные клобуки, а также жители Поросья, Белгорода и Василева. Узнав об этом, киевский князь Игорь Ольгович послал грамоту своим двоюродным братьям, черниговским князьям Владимиру и Изяславу Давыдовичам, где спрашивал, готовы ли они исполнять крестное целование, которое дали ему ранее. Черниговские родственники ответили «да», но одновременно запросили у Игоря «волости много». Игорь «же има вда». Одновременно он решил укрепить свои связи с киевским боярством. Князь «позва Оулѣба и Ивана Воитишича и рече има: “Како еста была оу брата моего, тако же боудете оу мене”. А Оулѣбови рече: “Держи ты тысячу, какъ еси оу брата моего держалъ”»³². Иван Воитишич был старым киевским боярином, служившим еще Владимиру Мономаху и его сыну Мстиславу Великому. Судя по обращению к Улебу черниговского происхождения князя Игоря Ольговича, к киевскому, а не к пришлому черниговскому боярству принадлежал и Улеб. Это означает, что после своего вокняжения в Киеве в 1139 г. князь Всеволод Ольгович искал поддержки не только Мономашичей, братьев своей жены Марии Мстиславны, но и киевского боярства. То же пытался делать в 1146 г. и брат Всеволода Игорь, обещая не отнимать должности тысяцкого у Улеба. Однако и Улеб, и Иван Воитишич, не выступая открыто против Игоря Ольговича, за его спиной плели интриги с целью посадить на киевский стол Изяслава Мстиславича. Когда дело дошло до открытого столкновения с этим князем, Игорь Ольгович, не подозревавший об измене Улеба и Ивана, приказал им: «Поѣдита въ своя полкы». «И приѣхавъ же Оулѣбъ въ свои полкъ, — сообщает далее летопись, — тако же Иванъ, и

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 304.

²⁹ Лаврентьевская летопись дает иное отчество этого тысяцкого — Ярунович (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 304). Следуем чтению Ипатьевской летописи, которая, как показывает сличение ее текста с текстом Лаврентьевской летописи, с 20-х годов XII в. содержит более полный и ранний текст, чем Лаврентьевская.

³⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 37. Здесь, как показал А. Н. Насонов, лучше, чем в Ипатьевской летописи, был использован текст свода 1198 г. — источник Ипатьевской летописи (см.: [Насонов, с. 289]).

³¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 324 и вар. 42, 49.

поверга стягы и поскочи къ Жидовьскимъ воротомъ»³³, ближе к войскам Изяслава Мстиславича. Несмотря на переход части своих полков на сторону противника, князь Игорь Ольгович вступил в сражение с переяславским князем и его союзниками, но был разбит и пленен. Киевом овладел Изяслав Мстиславич³⁴.

В рассказе о действиях Улеба обращает на себя внимание одна деталь. Князь Игорь приказывает своему тысяцкому Улебу ехать в свой полк, и тот туда едет. Этот полк отличен от княжеских дружин Игоря Ольговича, его брата Святослава и племянника Святослава Всеволодовича. Он стоит рядом с полком Ивана Воитишича. Идет ли речь о полке, который был давно организован специально для тысяцкого и находился исключительно под его командой? Или это было соединением, собранным специально для отпора князю Изяславу Мстиславичу и переданным под командование тысяцкого? Представляется, что речь должна идти о втором возможном объяснении. Аналогичный полк Ивана Воитишича едва ли был создан при Владимире Мономахе как особый «воеводский» полк. К тому же из летописного описания битвы 1135 г. на Супое ясно следует, что тысяцкий возглавлял войска, выделенные ему князьями на поле сражения для окончательного разгрома начавших отступать половцев. Никакого «специального тысяцкого» полка не было. «Свой полк» тысяцкого Улеба статьи 6654 г. Ипатьевской летописи был временным военным соединением, состоявшим из киевлян, командование над которым получил киевский тысяцкий.

Перейдя на сторону Изяслава Мстиславича, Улеб не потерял своего высокого положения и при этом князе. В августе, скорее всего во второй его половине, 1147 г. он в числе «добрых людей» до князя Изяслава, то есть его приверженцев и твердых сторонников, пошел с ним в поход на Юрия Долгорукого³⁵. Полки Изяслава дошли до переяславской Русотины, когда стало известно, что черниговские князья не только отказались от союза с киевским князем, но и хотят обманом захватить его в плен и расправиться с ним за арест своего брата Игоря Ольговича. Изяслав Мстиславич отправил из Русотины посла в Чернигов для проверки слухов. Послом оказался Улеб. Узнав всю правду, «Оулѣбъ прибѣже ко князю своему Изяславоу и сказа емоу, оже его отстоупили князи Черниговьскіи и цѣловали на нь хрестъ» с его врагами³⁶. Сказанное Улебом было подтверждено сторонниками Изяслава Мстиславича, жившими в Чернигове. Отношения киевского князя с Черниговом были разорваны. На этом свидетельства источников об Улебе обрываются.

Что касается должности тысяцкого, которою исполнял Улеб, то можно думать, что он ее потерял. Дело в том, что, узнав о враждебных замыслах черниговских Ольговичей и находясь по-прежнему с войском в пределах Переяславского княжества, князь Изяслав вынужден был обратиться с посланием «къ братоу своему Володимироу, того бо бѣшеть оставилъ Изяславъ в Киевѣ, и къ митрополитоу Климови, и къ Лазореви тысячкомоу, и рече имъ: “Созовите Кияны на дворъ къ святѣи Софѣи, ать мои посоль молвить рѣчь мою к нимъ и скажетъ льсть Черниговьских князии”»³⁷. Очевидно, что речь идет о киевском тысяцком Лазаре. Его упоминание в сентябре 1147 г. явно указывает на то, что предшественник Лазаря Улеб потерял должность киевского тысяцкого между 13 августа 1146 г. и сентябрем 1147 г.

Князь Владимир, основным владением которого в то время был Луцк, митрополит Клим и тысяцкий Лазарь выполнили наказ Изяслава Мстиславича. На двор Софийского собора пришло множество киевлян, «отъ мала до велика». Посол Изяслава сообщил им об измене черниговских Ольговичей и призвал киевлян к походу на Чернигов. Последние охотно согласились. Их

³³ Там же. Стб. 326.

³⁴ Там же. Стб. 327.

³⁵ Там же. Стб. 344. О хронологии событий августа 1146 – 1147 г. см.: [Бережков, с. 146–147].

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 345.

³⁷ Там же. Стб. 347–348.

воодушевление было всеобщим. Неожиданно среди толпы раздался голос: «Игорь, ворогъ нашего князя и нашъ не в порубѣ, но в святѣмъ Федорѣ, а убивше того, к Чернигову поидемъ по своемъ князи». Воодушевление киевлян начало перерастать в жажду крови. Несмотря на призывы князя Владимира Мстиславича, угрозы митрополита Клима, увещевания тысяцкого Лазаря и тысяцкого князя Владимира, киевляне двинулись к Федоровскому монастырю. Они вывели из церкви князя Игоря Ольговича, порвали на нем одежду и потащили вон из монастыря на место казни. Попытка 15-летнего Владимира Мстиславича защитить Игоря чуть не кончилась убийством самого Владимира. Игорь надеялся укрыться во дворе покойного Мстислава Великого, но народ выломал ворота двора, начал бить Игоря, сорвал с него одежды, связал ноги и поволок на двор князя Изяслава Мстиславича, где «прикончаша и»³⁸. Мертвое тело князя возложили на телегу, отвезли «на Подолье на торговище», где и бросили. Когда Владимиру Мстиславичу донесли о том, где лежит убитый, он «посла тысяцкого», по смыслу повествования — Лазаря. Увидев мертвого Игоря Ольговича, тысяцкий решил: «ать похороним тѣло его». «И повелѣ тысяцкой взяти Игоря, — сообщает летопись, — и взявше и положиша въ церкви святого Михаила», то есть в княжеском Выдубицком монастыре. На следующий день Игорь Ольгович был захоронен в Симеоновском монастыре, основанном его дедом Святославом Ярославичем³⁹.

В событиях 19–20 сентября 1147 г. видную роль играл киевский тысяцкий Лазарь. По поручению князя Владимира он организовал все, что требовалось для похорон убитого Игоря. Очевидно, что тысяцкий в данном случае проявлял себя не как воевода, а как распорядитель, знавший, кого надо привлекать для исполнения деликатного поручения, и где и как это делать.

С середины XII в. и вплоть до 40-х годов XIII в. число упоминаний о киевских тысяцких резко сокращается. За это время нет ни одного свидетельства об участии киевского тысяцкого в каком-нибудь военном походе. Возможно, это связано с отмечаемым археологами процессом перестройки древнерусских городов. Примерно во второй половине XII в. на Руси начинается обновление главных городских укреплений и строительство новых, необходимых для защиты разросшейся городской территории [Куза, с. 58]. Тысяцкие, скорее всего, приняли участие в этом строительстве, но повседневная хозяйственная жизнь мало привлекала или вообще не привлекала внимания летописцев. В их сводах имена тысяцких становятся большой редкостью.

Тем не менее имена некоторых тысяцких в Киеве в летописях встречаются. Так, Ипатьевская летопись в статье 6695 г. сообщает о пышном посольстве, которое отправил киевский князь Рюрик Ростиславич во Владимир на Клязьме к Всеволоду Большое Гнездо. Посольство должно было реализовать договоренность с могущественным владимирским князем о выдаче замуж его дочери Верхуславы за Ростислава, сына киевского князя, и привезти невесту к жениху. В состав посольства вошли шурина Рюрика Ростиславича туровский князь Глеб Юрьевич с женою, тысяцкий Славен с женою, Чурына с женою и «иньи многи боярѣ с женами»⁴⁰. Посланники Рюрика Ростиславича успешно выполнили свою миссию и доставили 8-летнюю невесту в Белгород. Датируется это событие 1188 г. [Бережков, с. 203]. Тысяцкий Славен, сопровождаемый женою, возглавлял и представлял в этом посольстве киевскую знать. Его имя следует сразу за именем князя Глеба и впереди остальных киевских бояр. Других известий об этом тысяцком не сохранилось.

Как отмечалось выше, в 1231 г. в Киеве состоялось поставление в ростовские епископы Кирилла, духовного отца ростовского князя Василька Константиновича. Среди лиц, присутствовавших на церемонии, летописью назван киевский тысяцкий Иван Славнович. Этот тысяцкий — единственное знатное нетитулованное лицо среди светских участников торжества. Отчество Ивана — Славнович — заставляет вспомнить киевского тысяцкого Славена, упомянутого

³⁸ Там же. Стб. 353.

³⁹ Там же. Стб. 353–354.

⁴⁰ Там же. Стб. 658 и вар. 43.

в 1188 г. Тот служил киевскому князю Рюрику Ростиславичу. А Иван Славнович был киевским тысяцким при княжении в Киеве Владимира, сына Рюрика Ростиславича. Похоже, что киевские князья Рюрик Ростиславич и его сын Владимир Рюрикович выбирали киевских тысяцких из одной боярской фамилии. Славен служил Рюрику, а сын Славена Иван — сыну Рюрика Владимиру. Такая последовательность в замещении должности киевского тысяцкого демонстрирует тенденцию, развившуюся уже в послемонгольское время в княжествах Северо-Восточной Руси — превращение должности тысяцкого в наследственное для определенной боярской фамилии. В домонгольском же Киевском княжестве получение сыном после отца должности тысяцкого проявилось как тенденция, а не норма. Причиной была частая смена князей на киевском столе.

Уже в годы Батыева нашествия киевскими князьями становились Михаил Всеволодович Черниговский, Роман, сын смоленского князя Мстислава (Бориса?) Романовича, и владимировольнский князь Даниил Романович. Последний в самом Киеве не сидел, он поручил управление городом своему тысяцкому Дмитру. То был незаурядный человек. Именно он возглавил оборону Киева, когда в начале сентября 1240 г. его осадили войска Батя. В ходе осады Дмитр был ранен, но под его руководством город продержался 10 с половиной недель⁴¹. Когда Киев все-таки был взят монголами, Дмитр попал в плен. Но в отличие от многих пленников Батый сохранил тысяцкому жизнь за его мужественное поведение при обороне города: «Дмитрѣ же изведоша язвена и не оубиша его моужьства ради его»⁴². Хан даже советовался с ним, обсуждая пути и время своих дальнейших походов в сопредельные с Русью страны. Дмитр, естественно, не советовал Батыю задерживаться на Руси. «Батый же, — пишет летопись, — послуша свѣта Дмитрова, иде Оугры»⁴³.

Интересно и прошлое Дмитра. Его можно сопоставить с галичским тысяцким князем Даниилом Романовичем, с которым князь покидал Галич в 1219 г., спасаясь от венгров и поляков, осаждавших город⁴⁴. Позднее в летописи в статье 6746 г. рассказывается об изгнании из Киева смоленского князя Ростислава Мстиславича владимировольским князем Даниилом Романовичем: «Даниль же ѣха на нь и я его, и остави в немь Дмитра, и вдасть Кыевь в роуцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплемьныхъ языкъ, безбожьныхъ Татаровъ»⁴⁵. Согласно М. С. Грушевскому, это произошло зимой 1239/1240 г. [Грушевский, с. 66]. Думается, 20-летний разрыв между бегством тысяцкого Дмитра из Галича и утверждением тысяцкого Дмитра в Киеве не является препятствием для отождествления этих людей. В таком случае можно говорить о том, что очень редко тысяцкий из одного княжеского центра переводился в другой, сохраняя свою должность. Такой факт лишний раз свидетельствует о том, что тысяча была княжеской организацией, а не порождением родоплеменного (земско-общинного) строя.

* * *

В XII в. в Киевском княжестве возникают еще две тысячи. Выше, при анализе «Оустава Володимѣрь Всевол(в)дича», говорилось о том, что участником его составления был белгородский тысяцкий Прокопий. Город Белгород стоял на р. Ирпень примерно в 25 км к западу от Киева, прикрывая Киев от нападений с запада. В 1117 г. Белгород впервые стал княжеской резиденцией. В нем расположился старший сын Владимира Мономаха Мстислав, переведенный отцом из Новгорода⁴⁶. В Белгороде Мстислав должен был ждать времени, когда ему можно будет после отца взойти на киевский стол. Тысяча же в Белгороде во главе с тысяцким появилась раньше — до 1113 г. Следовательно, она была образована не белгородскими князьями, а князьями киевскими, и ее возникновение было связано с укреплением границ Киевского княжества.

⁴¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 81.

⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 785.

⁴³ Там же. Стб. 786.

⁴⁴ Там же. Стб. 734.

⁴⁵ Там же. Стб. 782.

⁴⁶ Там же. Стб. 284.

Вышгородская тысяча появилась позже белгородской, хотя княжеской резиденцией Вышгород стал гораздо раньше Белгорода — еще в X в. при княгине Ольге⁴⁷. На протяжении XI — первой половины XII в. Вышгород несколько раз на короткие сроки передавался киевскими князьями в управление другим князьям Рюрикова дома. В 1113 г., когда создавался «Оустав Володимѣрь Всевол(о)дича», Вышгородом владел старший черниговский князь Олег Святославич⁴⁸. Составители упоминаемого «Оустава» в качестве одного из своих сотоварищей называют «Иванка Чюдиновича, Шлгшва мужа». Этот «Ольгов муж» появляется в «Оуставе» именно потому, что князь Олег владел частью территории Киевского княжества — Вышгородом. Иванка Чюдинович в этом документе не назван тысяцким, как тысяцкие Ратибор, Прокопий и Станислав. Следовательно, в 1113 г. тысячи в Вышгороде еще не было. Но к 1167 г. она уже существовала. В тот год киевским князем стал Мстислав Изяславич Владимиро-Волынский. Заняв Киев, он двинулся на своих противников, владевших Вышгородом. Совершившие первыми набег на Вышгород кочевники-берендеи «на болоньи от Днѣпра зажгоша дворъ тысяцкого Давыда Радилоть»⁴⁹. Давыд — сын смоленского князя Ростислава Мстиславича, который правил в Киеве с 1160 по 1167 г. Давыд владел Вышгородом⁵⁰. Следовательно, Радил был вышгородским тысяцким. Поскольку Вышгород до Давыда длительное время принадлежал его отцу Ростиславу Мстиславичу как киевскому князю, надо полагать, что вышгородская тысяча была образована при нем. Смысл образования такой тысячи заключался в стремлении княжеской власти в Киеве укрепить Вышгород и предотвратить возможные нападения по р. Десне черниговских князей на Киев и Киевское княжество. В известной степени показательно, что двор тысяцкого в Вышгороде находился не за крепостными стенами города, а в приречной низменности Днепра, что позволяло следить за плаванием судов по этой реке и ее левому притоку Десне. В 1173 г. войскам Андрея Боголюбского и его союзников, несмотря на многодневную осаду и многочисленные попытки штурма, так и не удалось взять Вышгород, настолько хорошо он был укреплен и ожесточенно оборонялся⁵¹.

Вернемся, однако, к вышгородскому тысяцкому Рагуилу. Сожжение его двора берендеями в 1167 г. не привело к падению Вышгорода. Вышгородцы смело отбивались. Занявший Киев Мстислав Изяславич оставил Вышгород за Давыдом Ростиславичем и не пожалел об этом. В скором времени против Мстислава начал замышлять заговор его младший дядя Владимир Мстиславич. Свидетелем высказанных этим князем тайных дум стал боярин князя Давыда Василий Настасьич. Тот сообщил об услышанном своему князю. А князь Давыд — киевскому князю Мстиславу. Об этом узнал Владимир Мстиславич. Возник большой скандал. Владимир Мстиславич вынужден был проявить инициативу и всячески оправдываться перед киевским князем, заявляя, что его оболгали. Было назначено следствие. Вышгородский князь Давыд послал в Киев на расследование («на тяжу») Василия Настасьича, «пристави к нему Радилу тысяцьскаго и Василья Волковича»⁵². Тысяцкий в данном случае выступал как свидетель на высоком суде, представляя, очевидно, интересы обвинителей — вышгородского князя и его боярина. «Тяжа» кончилась примирением сторон, которое оказалось кратковременным. В итоге Владимир Мстиславич был все-таки изгнан из пределов Киевского княжества.

В целом возникновение в XII в. двух новых тысяч во главе с тысяцкими в Киевском княжестве свидетельствует о заинтересованности князей, обладавших Киевом, в расширении существовавшей в княжестве децимальной системы. Сохранившиеся свидетельства XII в. позволяют считать, что создание новых тысяч было связано с перестройкой и укреплением старых крепостей для усиления обороны Киева.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 60.

⁴⁸ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534 и вар. 60. О дате события см.: [Бережков, с. 179–180].

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 543.

⁵¹ Там же. Стб. 575–576.

⁵² Там же. Стб. 535.

Литература

- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Куза А. В.* Древнерусские города // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 51–66.
- Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Насонов А. Н.* История русского летописания XI–XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Петрухин В. Я.* Киевский документ // Древняя Русь в средневековом мире. М., 2014. С. 815.
- Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // ЛЗАК. СПб., 1908. Вып. XX.
- Шахматов А. А.* Повесть Временных лет. Пг., 1916. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания.
- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938.